

* * *

Опять Победа. Но без мамы,
Ее кургузого плаща,
Косынки, вянущих тюльпанов...
(«Умаялась, пока дошла!»)

Опять нестройный залп салюта.
Шульженко. *Витька с Моховой.*
И бесконечная минута
Над непокрытой головой.

...Мерцают на могилах свечи:
Андрей, Настёна, дед Иван...
И расправляет мёртвым плечи,
Как в 41-м, Левитан.

* * *

Синицы пропали. И люди пропали.
И белые груди к окошку припали.
И в комнате стало темно и уютно.
Я помню тот день за минутой минуту.

.....

Синицы пропали. И люди пропали.
Тонули в сугробах молочные дали.
И мальчик в худом, затрапезном пальтишке
Прижался к олешине зябкою мышкой.

Синицы пропали. И люди пропали.
И к вечеру буря утихнет едва ли.
И мальчик бежит, под горою помешкав,
На зыбкую точку – по вешкам, по вешкам.

Синицы пропали. И люди пропали.
Сначала, прижавшись друг к другу, молчали,
Потом – растирали ладони до хруста,
Смеялись. И пахло волнительно-вкусным...

.....
Синицы пропали. И люди пропали.
Как холодно маме в её одеяле.
Укрой же, Господь, сиротливость ночлега
Спасительным, чистым Рождественским снегом.

* * *

«Без меня вам трудно будет, детки», –
Повторяла перед смертью мама.
...Уходил во двор, стыдясь соседки, –
Сколько можно, – как с ребёнком прямо!
Обойдусь без причитаний длинных
(Позади, считай, полжизни с гаком).

...Липла к сапогам слепая глина.
Выла за бугром, в селе, собака.

Прожит день, пустой и неуютный,
Мается вдовцом холодный вечер.
Мать встаёт из гроба на минутку:
Мальчику накинуть плед на плечи.

* * *

Якушкино. Минькина гора.
Гладкино и Шестаково поле.

Детства беззаботная пора.
Жаркая лапта на косогоре.
Песни баб тягучие, как мёд,
Аромат антоновки и мяты,
Ласточек неудержимый лёт
Над стрехою материнской хаты.
Тёплая полуденная пыль
Разомлевших безымянных улиц,
Дяди Коли стоптанный костыль —
Пьяная гроза соседских куриц.

.....
Было. Сплыло. Ни людей, ни хат.
Время образцовой обезлички.
Горькою усмешкою звучат
На руинах свежие таблички:
Школьная, Садовая, Труда,
Зерновая, Выгонная, Счастья...
Кланяется в пояс лебеда,
Следом иван-чай кивает: «здрасьте!..»
У плетня — консилиум старух:
«Всё ль разворовали, оглоеды?».

...Накрывает лёгкий смертный пух,
Как простынкой, *улицу Победы.*

* * *

Импровизированный рынок.
Старухи. Мухи. Требуха.
От снedyю пухнувших корзинок —
Густые запахи греха.

Сожжённое закатом небо.
В углу — знакомый силуэт.
Несёт ломоть ржаного хлеба
К губам, как в юности кларнет.

Узнала или не узнала?
«Мужчина, ливерку берём?!»
Как в этой... той осталось мало,
А всё же бьётся в горле ком.

Стою. Гляжу на руки в саже:
След от кольца, в морщинах грязь
(Я, помню, целовал их даже).

И у неё не удалась...

* * *

Ночь без тепла. Весна без снега.
На небе — половодье звёзд, —
Как в зябком поиске ночлега
Слепое шевеленье гнёзд.
Древнее кораблей Гомера
Вся их бесчисленная рать.
Но что мне Вега или Венера,
Коль и во сне их не обнять.
Смотрю на палевую точку:
Костёр в ночи? Или луна
Льянную девичью сорочку
Полощет в проруби окна?

* * *

*Меня хранили женщины и ливни,
Пройдя, не оставлявшие имен.*

В. Ерёменко

Лежу и думаю о разном,
Хотя, наверно, об одном:
Смогу ли быть таким же праздным,
Когда предстану пред Судом,
Когда язык присохнет к глотке
И станет липкою спина?
Ведь будет разговор коротким
Пред тем, как получить сполна

За лень, за стыд, за любострастье,
Сомнений тяжкие грехи...
Ну что ж, — мы все в Господней власти.
Но я зато писал стихи
И проживал чужие жизни,
Всю боль беспамятных времён,
Молясь в поруганной отчизне
За неоставивших имён.

* * *

Четвертый раз проходит
Под окнами старик:
Сутулый. Трезвый, вроде.
Индюшечий кадык.

Обветренные скулы.
Сухой пергамент щёк.
Что я привстал со стула,
Ему и невдомёк.

Он шаркает ногами,
Он загребает снег.
Не усидел в бедламе?
Иль потерял ночлег?

С какой-то тихой думой
Скрываясь за углом,
Старик молчит угрюмо,
Ему общаться влом.

...Снежинок бойких улей.
Вечерних улиц медь.
А мне уже на стуле,
Боюсь, не усидеть.

Появится ль? во сколько?
Старик из-за угла.
(Не раздавить бы только
Холодного стекла.)

...И, шаркая сторожку,
Торя свою межу,
Под тёмное окошко
Опять я выхожу.

* * *

Не надо просыпаться по утрам,
Чтоб было стыдно за вчерашний вечер,
Уродливые бройлерные плечи
Случайно подвернувшейся мадам.

Не надо просыпаться по утрам
С наивной верой в модную «Импазу»,
Когда ни два, ни полтора, ни разу...
А интеллектом не искупишь срам.

Не надо просыпаться по утрам,
Давиться вновь китайским «Блендамедом»
И подносить хлеб-соль всё тем же бедам
В облезлой майке с надписью Ван Дамм.

Не надо просыпаться по утрам.
И по ночам. И вообще – не надо,
Когда ведут доверчивое стадо
На скотобазу, словно в Божий храм.

Не надо просыпаться по утрам...

* * *

А вечно только зло.
Ну, может быть, разлука.
Опять белым-бело.
На кладбище – ни звука.
На кладбище – покой
(С картины Левитана).
И хлебушек ржаной
Над полыньёй стакана.